

Глава 26. Маленький плакса.

tw! self harm ближе к концу главы.

На этот раз Чу Юй сделал лишь небольшой укус, и потребовалось не так много времени, прежде чем рана полностью зажила.

Он посмотрел на Чу Юя, закутанного в тонкую черную куртку на размер меньше, сидящего на тяжелом мотоцикле с опущенной головой.

Лу Ши поднял воротник и поднял брови. «Ты об этом думаешь?»

—«Я просто... не смог сдержаться».

В тот момент, когда Чу Юй отпустил руль, что-то ужасно раздражало его изнутри. У него не было сил, и кончики его пальцев все еще дрожали от возбуждения. Желание высосать кровь вырвалось наружу, и он не смог подавить его. Когда он укусил, то не сдержался, как раньше.

Чу Юй быстро пообещал:

«В следующий раз я определенно буду мягче!»

Днём, перед тем как переодеться в куртку, Чу Юй нервничал; он боялся, что Лу Ши будет холоден. Но теперь он ничуть не боялся, даже протянул руку, чтобы потянуть за подол одежды Лу Ши, одновременно наклонив голову вверх, чтобы подчеркнуть:

«Правда!»

«Мм»

Лу Ши сунул левую руку в карман, в то время как его правая рука откинула мокрую челку Чу Юя назад, полностью обнажив его брови. Он опустил голову, наклонился, посмотрел прямо в глаза Чу Юя и тихо спросил:

«Все еще грустишь?»

Это было чрезвычайно агрессивное в некотором смысле и мощное действие, но Чу Юй совсем не был против, когда это делал Лу Ши.

«Мне больше не грустно».

Чу Юй опустил глаза, его пальцы бессознательно теребили металлическую молнию куртки Лу Ши. «Я просто мгновение... не мог принять это».

По сравнению с тем, каким он был в спальне Лу Ши, теперь его тон был спокойным.

«Все вокруг меня верят, что моя мать безмерно балует меня и покупает мне все, что я хочу. Чтобы сделать меня счастливым в школе, она даже потратила деньги, чтобы купить ее. Более того, она не так строга и требовательна ко мне, как к брату и сестре. Они все так думали и внушили мне эту идею. Итак, я тоже раньше думал, что это действительно так. Даже ее безразличие ко мне я пытался объяснить себе тем, что это у неё напряженная работа. Но где может быть столько дел? Ей просто все равно, или, еще лучше, она игнорирует меня».

Лу Ши спокойно слушал.

Чу Юй завернул свое тело в куртку, которая была на нем.

Куртку Лу Ши. Куртка была на размер больше и немного пахла им.

«Моя мать ходила на церемонии окончания начальной школы, средней школы и университета моего брата и моей сестры. На моих выпускных церемониях место всегда занимала тетя Лань. Раньше я боялся, поэтому обманывал себя. Но теперь, когда я снова об этом думаю, чего тут бояться? Но я должен признать... — его рука, держащая молнию Лу Ши, напряглась. Он долго молчал, прежде чем тихо произнести. — Я должен признать, что она меня не любит».

Сказать это вслух, казалось, было не настолько сложно, как он себе представлял.

«У моей матери типичное мышление правителя, занимающего лидирующее положение. То есть она будет вкладывать свое внимание и энергию только в способных и полезных людей. Что касается меня, то, вероятно, только из-за нашего кровного родства она и обеспечивает мне лучшие условия жизни и дает мне бесконечные деньги. Она построила мне стеклянную теплицу, в которой она может заставить меня остаться и вести себя хорошо, чтобы я не доставлял ей никаких хлопот. Видишь ли, даже ее требование ко мне - просто быть здоровым, счастливым и беречь себя о том, чтобы я не беспокоил ее».

Разум Чу Юя постепенно прояснялся, хотя его предложения не имели никакого порядка, когда он продолжил.

«В детстве моя мать обращалась со мной так же, как с моими братом и сестрой. Она пригласила для меня много учителей, и каждый курс был заполнен. Я ленив, я не особенно умен и не дисциплинирован, и мне нравится спать и играть. Когда я стал старше, моя мать уже никогда больше не просила меня брать репетитора, ходить на занятия или получать хорошие оценки, — уголки его рта изогнулись и образовали дугу, лишенную улыбки, — Оглядываясь сейчас назад, кажется, моя мать, вероятно, чувствовала, что в то время для меня не было никакой надежды, поэтому она просто отказалась от меня».

«Чу Юй».

«Мм» Чу Юй поднял глаза и широко раскрыл их, «Я не плачу, правда. Посмотри, если ты мне не веришь»

«Я знаю».

В глазах Лу Ши не было ни жалости, ни каких-либо других ненужных эмоций. Он просто спросил:

«Хочешь немного утешения?»

«Какого утешения?»

«Какое утешение ты хочешь?»

Чу Юй на мгновение ничего не мог придумать и просто осторожно предложил:

«...Объятия?»

«Хорошо».

Прежде чем Чу Юй смог отреагировать, Лу Ши начал действовать.

Он наклонился вперед, раскрыл объятия и обнял Чу Юя, который сидел на тяжелом мотоцикле, завернутый в большую черную куртку.

Скрестив руки, Чу Юй упал в объятия Лу Ши.

Частица чистого запаха знакомого стирального порошка задержалась на кончике его носа.

Чу Юй замер и не смел пошевелиться. Ему потребовалось немало времени, чтобы расслабиться и положить подбородок на плечо Лу Ши.

«Неужели я... настолько бесполезен?»

«Нет».

«Серьезно?»

«Мм».

На обратном пути Лу Ши ехал на очень низкой скорости.

Ночной ветер был очень слабым.

Чу Юй прислонился к спине Лу Ши и долго молчал, прежде чем внезапно спросил:

«Если бы, я просто так говорю, если бы я действительно попал в топ-220, или даже в топ-120, или в топ-20, моя мать бы... Не удостоила ли она бы меня взглядом?»

«Хочешь попробовать?»

«Да, я хочу попробовать».

Сверхмощный мотоцикл мчался по туннелю с глубоким ревом двигателя. Это было в предрассветные часы ночи, и других транспортных средств не было. Желтовато-оранжевый свет падал на верхнюю часть туннеля, похожий на прерывистый свет заходящего солнца.

Чу Юй схватил Лу Ши за одежду. Его взгляд упал на ослепительные уличные фонари, когда он заявил, неизвестно, Лу Ши или самому себе:

— Я, вероятно, все еще не хочу так легко сдаваться.

— Я помогу тебе.

Лу Ши припарковал мотоцикл на обочине дороги, опустил свои длинные ноги на землю и повернулся, чтобы посмотреть на Чу Юя.

— Но каким бы ни был результат, тебе нельзя плакать.

Чу Юй был поражен этим предложением, отчего снова взорвался.

«Я не плакса-плаксивка!?» (Прим: плачущий призрак)

Лу Ши усмехнулся, затем выпрямился. «Обними меня крепче, Маленький Плакса. Мы возвращаемся в школу».

Сначала они вернули мотоцикл, вызвали такси, затем перелезли через стену и вернулись в школу.

Подойдя к двери общежития, Чу Юй вдруг кое-что вспомнил.

«Подожди меня!»

Он сделал два шага, открыл щель в двери своей спальни, через которую протиснулся внутрь, а затем с грохотом захлопнул дверь, не дав Лу Ши возможности заглянуть внутрь.

В комнате послышался шорох, и вскоре Чу Юй снова открыл дверь.

В руке он держал две бутылки с жидким тонизирующим средством для крови.

Он вставил соломинку и протянул ее Лу Ши, раздраженно сказав:

«Быстро, быстро, быстро, выпей еще одну бутылку. Это моя вина, что я не контролирую себя! Что, если у тебя будет анемия!»

Лу Ши лениво протянул руку, чтобы взять напиток, и склонил голову, чтобы сделать два глотка. Затем он прокомментировал:

«Странный вкус».

«Тебе нужно выпить его, даже если он странный на вкус. Я уже попросил шеф-повара в кафетерии сварить немного куриного супа с черными косточками. Завтра я положу его в термос и отдам тебе» сказав еще несколько слов, Чу Юй зевнул, «Так хочется спать, я пойду лягу, увидимся завтра».

Вернувшись в свою комнату в общежитии, Чу Юй быстро принял душ, переделся в пижаму и упал на мягкую кровать.

Он испытывал чрезмерное возбуждение от поездки, так что теперь его слабые и немощные конечности были полностью подавлены.

Он закрыл глаза и уже собирался заснуть, когда почувствовал слабый знакомый запах. Он встал и увидел тонкую черную куртку, все еще лежащую рядом с кроватью. Только тогда он вспомнил, что не вернул ее Лу Ши.

Посидев некоторое время, Чу Юй необъяснимым образом взял куртку и положил ее рядом со своей подушкой.

Снова улегшись, Чу Юй ухватился за край одежды и мирно заснул.

По другую сторону стены.

Приняв душ, Лу Ши сел перед своим столом, не вытирая мокрые волосы.

Бумаги, разложенные на столе, еще не были закончены, поэтому он схватил карандаш и начал отвечать на вопросы.

Белый свет настольной лампы освещал лишь небольшое пространство перед ним, а позади него было совершенно темно.

Его телефон завибрировал.

Лу Ши взглянул на него и увидел номер, который был ему знаком.

Он не ответил и продолжил решать, позволяя телефону вибрировать снова и снова.

Только после того, как Лу Ши записал последний ответ в пустое место под вопросом, он нажал кнопку ответа.

«Лу Ши, ты планировал не отвечать на мой звонок, на звонок родного отца? Где твои манеры?! Твое воспитание?! Ты действительно думаешь, что у меня так много времени, чтобы тратить его на тебя снова и снова?»

Лу Ши только что принял душ, так что не надел свой черный браслет или часы, обнажив свои тонкие запястья.

Он ловко повертел карандаш в левой руке. В его темных черных глазах ничего не было, и его голос был пресным, когда он сказал:

«Я работал над задачами, телефон был выключен и молчал».

Настроение Лу Шаочу немного стабилизировалось.

«Ты так поздно ночью работаешь над заданиями, усердно учишься?»

«Это не сложно».

«Мы говорили тебе учиться в городе, но ты не захотел и настоял на том, чтобы бежать в такое далекое место, теперь ты пожинаешь то, что посеял! — Лу Шаочу повторил старую поговорку, а затем продолжил, — Твоя мать очень скучает по тебе, и твой дедушка также несколько раз упоминал о тебе. Когда ты вернешься?»

«Я занят, я не планирую пока возвращаться».

«Лу Ши! — Голос Лу Шаочу внезапно повысился, он не сдерживал гнев, — Занят, занят, занят, ты сам хоть помнишь, как долго ты не был дома, а? Полтора года! На новогоднем ужине в прошлом году все спрашивали, почему тебя не было. Как, по-твоему, я должен на это ответить? Куда ты прячешься от своей матери?! Неужели твои крылья так окоченели, что ты не вернешься после полета? Ха!»

Лу Ши молчал, слушая ругань Лу Шаочу.

В выражении его лица не было никаких колебаний.

Лу Шаочу снова успокоился.

«Лу Ши, у твоей матери в последнее время головные боли. Семейный врач несколько раз проверял, и дело плохо. Меня нет дома, поэтому я не могу позаботиться о ней. Она растила тебя до тех пор, пока ты не стал таким большим, если у тебя есть совесть? Просто вернись. Она будет очень рада тебя видеть».

Лу Ши холодно ответил:

«Я думаю, ты не захочешь услышать, как я повторяю то, что только что сказал».

Лу Шаочу несколько секунд молчал.

«Я перевел триста тысяч на твою карточку, просто скажи мне, если не хватит».

Сплюнув, Лу Шаочу закончил с пряниклм только для того, чтобы снова упрекнуть и пригрозить кнутом.

«Я относился к тебе как к юноше в мятежный период, но я говорю тебе, Лу Ши, я научил тебя очень немногому. Во всем должен быть предел. Мое пребывание здесь с тобой отнимает десятки доли моего терпения, и ты прекрасно это знаешь. Перегнешь палку и последуют последствия, и ты прекрасно знаешь, каковы они!»

Телефонный звонок закончился, и Лу Ши бросил свой телефон на стол с лязгом.

Лу Ши некоторое время сидел неподвижно, затем достал лист белой бумаги и тщательно написал карандашом, штрих за штрихом.

...Когда я впервые увидел, цветы персика были как будто окрашены румянами, заставляя поверить, что весна к югу от реки Янцзы наступила рано. Есть несколько ветвей, украшенных беспорядочными цветами, дрейфующими по земле, которые никогда больше не будут сметены... Глаза обшаривают расстояние, заглядывая в отдаленный павильон, где никого нет и нет письма, которое должно прийти. Существует только страх перед другим возлюбленным и перед тем, что наш союз давно забыт.

В конце он написал название стихотворения "Сицзяньюмань".

Слишком сильно согнутые костяшки пальцев побелели, а кончик карандаша слегка задрожал. Почерк продавил бумагу.

Его взгляд упал на кончик карандаша, который был стерт бумагой. Лу Ши открыл ящик стола, достал из него точилку для карандашей и заточил карандаш.

Древесная стружка и свинцовая пыль рассыпались по чистой белой бумаге, покрывая последние три символа стихотворения и пачкая поверхность бумаги.

Лезвие было острым.

Резкие движения Лу Ши внезапно прекратились.

Точилка двинулась вниз, пока лезвие, наконец, не зависло над его левым запястьем.

На холодной белой коже было несколько глубоких и неглубоких неприглядных шрамов, бросающихся в глаза.

Думая о лезвии, пронзающем его кожу, сцене переполнения кровью и отрезвляющей боли, глаза Лу Ши сфокусировались.

Кончик лезвия был прижат, кожа прогнулась, и возникло ощущение покалывания.

Но на этот раз Лу Ши не стал загонять кончик лезвия глубже.

Он выбросил точилку для карандашей и закрыл ящик.

Под лампой Лу Ши уставился на сине-зеленые кровеносные сосуды под кожей своего запястья...

Его кровь не могла быть потрачена впустую.

Если не будет крови, которую можно пить, тот маленький плакса будет плакать.

<http://bllate.org/book/14105/1240857>